

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

**Читайте детективы Ольги Володарской!
В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!**

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес

Сериал «Сокровища князей Шаховских»

Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ХРУСТАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА БОГИНИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Серийное оформление *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Володарская, Ольга.
В68 Хрустальная гробница богини / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Никаких запретных тем! Остросюжетная проза О. Володарской).

ISBN 978-5-04-101400-1

Эва была не просто моделью, а БОГИНЕЙ глянцевого журналов, властительницей душ фотографов, идолом сотен тысяч женщин и мечтой миллиона мужчин. Эве поклонялись, ее обожали, ей подражали. Конечно, многие завидовали и недолюбливали ее. Но один человек ненавидел. Ненавидел так сильно, что собирался убить. Естественно, это была женщина. Женщина с множеством имен! За свою полную кошмаров жизнь она не один раз их меняла... Но сама предпочитала называть себя Фемидой — богиней правосудия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101400-1

© Володарская О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Жилой комплекс «Горный хрусталь»
и все произошедшие в нем события —
вымысел автора. Как и все персонажи
этой книги.*

Часть I

Глава 1

Неопознанный летающий труп

Эва проснулась от собственного храпа. Раскатистого, громкого, клопочущего, с хрюканьем на вдохе и кряканьем на выдохе. Так мог храпеть столетний старик или гайморитчик, но только не молодая здоровая женщина, к коим Эва относилась. Но она храпела! После не очень удачной ринопластики позорное хрюканье-кряканье вылетало из нежного Эвиного рта каждую ночь. Позорное, потому что эти раскатистые трели не вязались с ее имиджем САМОЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ НА СВЕТЕ и титулом БОГИНИ, присваиваемым ей из года в год читательницами журнала «Эль».

Эва привстала с кресла, чтобы проверить, не слышал ли кто жутких звуков, но, на ее счастье, все пассажиры самолета спали. С облегчением переведя дух, она опустилась обратно на сиденье, наклонилась, чтобы поправить плед, сползший на пол, и тут же уперлась огромными силиконовыми грудями в спинку впереди стоящего кресла.

«Черт, черт, черт! — выругалась Эва мысленно. — Зачем я согласилась на эти дыни? Со среднестатистическим вторым было бы гораздо удобнее!» Но Дуда, ее агент и лучшая подруга, настояла на четвертом, внушив своей подопечной мысль о том, что если она с возрастом поправится хотя бы на пару килограммов, то со своим вторым будет по-

хожа на клизму. А так как Эва всю жизнь мечтала иметь фигуру под названием «песочные часы», то согласилась на кошмарные по размеру имплантаты. Теперь мучается!

Стоило Эве втиснуть свои груди между креслом и коленями и схватить наконец плед, как к ней на плечо опустилась рука с устрашающе длинными, матово-черными, украшенными стразами ногтями.

— Дуда, как ты меня напугала! — выдохнула Эва, хватаясь за сердце. — Ты чего бродишь?

— Я должна тебе кое-что сказать... Что-то нехорошее...

— Ты слышала, как я храпела? — опасливо протянула она. — Или кто-то другой слышал?

Дуда отрицательно замотала головой и трагическим шепотом выдала:

— У нас страшное несчастье...

Зная, как Дуда любит драматизировать, Эва сразу решила, что «страшное несчастье» окажется всего лишь мелкой неприятностью, посему спокойно поинтересовалась:

— Что-то с гримом?

— Хуже, — выдохнула Дуда. — Пошли... Только тихо, чтоб никого не разбудить...

Эва осторожно сползла с кресла, шагнула в проход и пошла за Дудой в хвост салона.

Самолет, на котором они летели, был маленьким, принимающим на борт не больше пятнадцати пассажиров. Принадлежал он компании «Дары Севера», специализирующейся на изготовлении и продаже меховых изделий, кои Эва должна была рекламировать в течение ближайшего года. Гонорар ей посулили немислимый, из-за чего она, собственно, и согласилась работать на малоизвестную фирму — в последнее время она сотрудничала только с гигантами косметической индустрии и сетью ювелирных магазинов «Диамант». Всякие мелкие заказчики, типа провинциальных шоколадных фабрик, пивных компаний из ближнего зарубежья, китайских фирм — производителей бытовой

техники, только мечтали о том, чтобы их товар рекламировала САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА НА СВЕТЕ. Но они не могли себе этого позволить, так как Эва была не просто «вешалкой» или безликой куклой из каталога — она была богиней глянцевого журнала, властительницей душ фотографов и идиолом тысяч начинающих моделек...

Но генерального директора «Даров Севера» не смутил ни ее статус, ни сумма затребованного гонорара. «Нашей компании нужны именно вы!» — сказал он, подписывая контракт, где фигурировали цифры с шестью нолями. Было только одно условие, на котором заказчик настаивал: съемки рекламного ролика и фотосессия должны проходить в определенном месте, а именно в поместье владельца фирмы (расположенном не на севере, как следовало ожидать, а на юге: где-то в горах Кавказа). Как раз туда они сейчас и направлялись. Они — это Эва со своей привычной свитой и команда рекламщиков, к которым присоединилась то ли ассистентка, то ли секретарша хозяина фирмы. А так как вылететь пришлось в четыре ночи, все уснуло сразу после посадки, и теперь, идя по проходу в хвост салона, Эва слушала разнотональное похрапывание.

— Куда ты меня привела? — шепотом спросила Эва, закончив путь у туалета — именно он находился в хвосте салона. — В сортир?

Дуда, ни слова не говоря, взяла Эву за плечи, развернула на пол-оборота и подтолкнула к стоящему особняком креслу. На нем сидел мужчина, лицо которого скрывали длинные нечесанные волосы, упавшие с затылка на лоб и спускавшиеся до середины груди.

— Вот, — коротко сказала Дуда, ткнув в незнакомца пальцем.

— Что «вот»? Это наше страшное несчастье? Какой-то спящий божж? — Эва не без брезгливости покосилась на грязнущие джинсы мужчины и вытянутые резинки его несвежих носков. — Да, я понимаю, человек этот мало приятен, но зачем же драматизировать...

Дуда шагнула к мужчине, убрала с его лица волосы. И тут Эва увидела то, что так напугало подругу: огромную рану на шее, из которой на грудь натекло кровавое пятно, похожее на манишку. Зрелище было кошмарным!

— О господи! — Она отшатнулась. — Что с ним?

— Мертв.

— Конечно, мертв! — раздался за их спинами молодой мужской голос. — С такой раной долго не протянешь!

Когда Эва обернулась на голос, то увидела перед собой высокого парня с мелированным чубом и тщательно ухоженной щетиной — он вскочил с ближайшего кресла.

— Привет, — бодро проговорил парень. — Меня зовут Аполлон. Можно просто Пол.

Эва и Дуда растерянно кивнули. Аполлон же шагнул к покойнику и принялся рассматривать рану. По прошествии минуты он вынес вердикт:

— Подошли сзади, задрали голову, чиркнули по шее острым ножом... А вот и он! — Пол подошел к столику, уставленному посудой: тарелками, чашками, фужерами, графинами, в одном из них, наполненном апельсиновым соком, рукояткой кверху торчал нож. — Для резки фруктов... Самый острый из имеющихся в наличии...

Дуда потянулась к рукоятке, чтобы рассмотреть орудие убийства, но Пол перехватил ее руку:

— Нельзя! Вдруг остались отпечатки!

— Да, действительно, — растерянно протянула Дуда, отдергивая руку. — Я не подумала об этом...

— Вы знаете, кто этот чувак? — спросил парень, указывая на тело.

Дуда наклонилась к мертвецу, отдернув штору из волос, посмотрела в его лицо и покачала головой:

— Нет, он не из нашей команды.

— И не из нашей.

— А вы, собственно, кто? — Дуда смерила Пола не очень почтительным взглядом. — Стюард, что ли?

— Я модель, — с достоинством изрек тезка греческого бога. — Но временно работаю менеджером в «Мехах России».

— В качестве кого же вы летите? — подала голос Эва. — Модели или менеджера?

— Понимаете, в чем дело... — Он облизнул языком пухлые губы. — Наша хозяйка...

— «Дарами Севера» владеет баба? — не поверила своим ушам Дуда. — А мне сказали, какой-то старый английский хрыч...

— Он умер в прошлом году. И фирма перешла по наследству его жене — Элене Рэдрок.

— Она тоже англичанка?

— Понятия не имею. Я ее ни разу не видел. Даже на конкурсе красоты ее не было — вместо себя помощницу прислала. Очкастую такую... Она и сейчас с нами... — Он пошарил взглядом по салону и, отыскав глазами спящую в одном из кресел их ассистентку, добавил: — Вон она.

— А что за конкурс? — полюбопытствовала Дуда. — И почему ваша хозяйка должна была на нем присутствовать?

— Потому что именно она решила провести его. Дала указания генеральному, чтоб устроил конкурс красоты среди работников фирмы. Главный приз — тысяча долларов и возможность сняться в рекламе с самой Эвой...

— И ты, значит, его выиграл?

— Да! Теперь главная мужская роль в клипе моя.

— Я что-то не припомню, чтобы в сценарии фигурировал какой-то парень... — Эва вопросительно посмотрела на Дуду. — А ты?

— А я помню. Во втором эпизоде тебе должен подать шубу слуга-якут. Он, наверное, будет его играть.

— Кого-кого я буду играть? — хмуро переспросил Пол.

— Чукчу из обслуги.

— Мой дедушка-грузин перевернется в гробу, — простонал он.

— Так ты грузин?

— Да. По отцовской линии. Моя фамилия Горидзе.

— А имя почему греческое?

— У меня деда Аполлоном звали. И его деда. Так что никакое оно не греческое. Обычное грузинское имя...

Тут женщина, спящая в ближнем кресле, завозилась, и Пол резко замолчал. Приложив палец к губам, он приказал Эве с Дудой последовать его примеру. Девушки послушно притихли, стараясь даже дышать через раз. Когда пассажирка уgomонилась, Пол заговорил почти беззвучным шепотом:

— Значит, вы не знаете, кто наш жмурик?

— Я понятия не имею, откуда он взялся в самолете, — ответила Дуда. — Я знаю всех ребят из съёмочной группы, он не с ними...

— Он не с ними, не с вами, не с нами, тогда с кем?

Эва призадумалась. В отличие от Дуды она не смогла бы узнать каждого из членов съёмочной группы (все осветители и помрежи были для нее на одно лицо), но верила ей на слово. Значит, мертвый парень не рекламщик. И не представитель заказчика, за это поручился Пол. Не стилист, не парикмахер, не костюмер, не инструктор по йоге — уж своих-то придворных супермодель знала прекрасно, как никак не первый год таскает за собой во все поездки. Кто остается? Команда: два пилота и стюардесса... Мертвец точно не стюардесса, но и на пилота не тянет. Значит, какой-нибудь механик или техник.

— Может, он член экипажа? — озвучила свое предположение Эва. — Какой-нибудь механик...

— Не смеси мои коленки! — фыркнула Дуда. — Его лохмы и фени на запястье говорят о принадлежности к богеме... И руки у него нежные, как у пианиста! Или фотографа...

— Я поняла, — выдохнула Эва. — Как ты про руки фотографа сказала... Это новый ассистент Матильды. Как мы про нее-то забыли?

— Кто такая Матильда? — встрял Пол.

— Фотограф. У нее жуткий характер, вот от нее все помощники и бегут. С ней никто не хочет работать еще и потому, что платит она мало, а требует много, в том числе секса после каждой фотосессии...

— Для ассистента наш жмурик староват, — засомневалась Дуда. — Ему далеко за сорок!

— А мне показалось, не больше тридцати, — сказал Пол.

— У него просто рожа детская. Но башка вся седая, и морщин полно.

— Когда только разглядеть успела? — поразилась Эва.

— У меня глаз — алмаз, сама знаешь.

— Я тоже не могу пожаловаться на зрение, но лица я даже не увидела... Эта рана... Я смотрела только на нее... — Эва шумно вздохнула. — Надеюсь, при жизни он был не очень красив... Мне особенно жалко молодых и красивых...

— Да какой там! — Дуда закатила глаза. — Толстощечный, небритый, нос пуговкой, а на щеке бородавка...

— Бородавка?

— Ну родинка висячая... — Она передернулась. — Гадкая такая! С волосами!

Услышав о волосатой родинке, Эва вздрогнула. Помнится, знавала она когда-то человека с подобной... Его звали Кешей. Он был отличным фотографом, ее другом и врагом — точнее, сначала другом, потом врагом. Насколько ей было известно, сейчас он сидит в тюрьме, но, кто знает, может, его выпустили...

— Дудочка, — осторожно спросила Эва, — а тебе лицо этого мертвеца не показалось знакомым?

— Показалось, знаешь ли... — Дуда с сомнением посмотрела на покойника. — Только не пойму, где я его раньше могла видеть...

— А ты посмотри еще раз, — предложил Пол. — Вдруг узнаешь...

— Правильно, — кивнула головой Дуда.

Она подошла к покойнику, убрала с его лица волосы и, придерживая их рукой, стала рассматривать мертвые черты.

— Нет, не знаю, — досадливо протянула она. — Знакомое что-то... Но никак не могу вспомнить, где видела... Может, когда на съемках пересекались...

— Пусть Эва тоже посмотрит, — внес очередное предложение Пол. — Не исключено, что у нее память лучше...

— Нет, нет, нет, — запротестовала Эва. — Я не хочу! Это так ужасно!

— Надо, девочка моя, — отрезала Дуда, отходя в сторону и указывая на лицо покойника. — Что скажешь?

— Какая кошмарная рана...

— Да ты не на нее смотри! А на физиономию!

Эва перевела взгляд на лицо мертвеца. Полное, довольно приятное, морщинистое у глаз, с безвольным подбородком, покрытым мягкой желтоватой бородашкой, с маленьким ртом, выпуклой родинкой...

— Я знаю его, — прошептала Эва, разглядев все черты до единой. — Он сильно изменился, постарел, потолстел, но я узнаю его...

— И кто это? — с любопытством спросил Пол.

— Это Кеша. Человек, который сделал из меня БОГИНЮ...

Глава 2

До того, как стать БОГИНЕЙ

Эва не родилась красавицей — синюшный комочек с тонюсенькими ножками пугал своей чахлостью даже мать. И ребенком она была посредственным: худым, головастым,

часто моргающим. Подросток из нее вышел и того хуже: длинный, нескладный, угловатый, с прыщами на лбу. Вступив в пору половой зрелости, Эва немного расцвела — округлилась, помилела, лицо очистилось. Свое совершеннолетие разменяла уже в статусе «приятной девушки», коей оставалась до двадцати одного года, то съезжая к «дурнушке», то подтягиваясь к «симпатяге».

Родилась и выросла она в Митине. Окончив школу на четверочки, поступила в педучилище (там был самый маленький конкурс, вот и пошла), отучилась в нем два года, защитила диплом. Получив корочки на руки, забросила на самую верхнюю полку антресоли и больше о них не вспоминала. Преподавание оказалось не ее призванием. А что было ее, она и сама не знала. Ребенок без талантов — так о ней говорили все, включая отца, который сам отличался чрезмерной одаренностью: и рисовал, и играл на гитаре, и пел, и пек самые вкусные на свете пироги. Но Веля (именно так ее звали родные) пошла в мать, на редкость бездарную женщину, однако в отличие от нее была весьма посредственна внешне: матушка отличалась небывалой привлекательностью, за что, собственно, ее любил муж, а также сосед по лестничной клетке, к которому она в итоге ушла от своего талантливого супруга...

Веля окончила училище в девятнадцать. Два года сидела у родителей на шее, подрабатывая распространением биодобавок, пока мать не пристроила ее в косметический магазин своей старой приятельницы.

Магазин только готовился к открытию. Продавщицы пока расставляли товар по полочкам, а его хозяйка Маргарита Павловна занималась организацией презентации, на которую, кроме гостей, пригласила еще и профессионального фотографа.

В день открытия продавщицам выдали униформу: хошенькие корсетные платьица и цветные парики. Веле достался черный. А так как от природы она была желтогла-

зой шатенкой, то смоляные волосы ужасно не шли к ее бледному лицу. Пришлось девушке ярко накраситься: нарисовать брови, обвести глаза, а губы сделать вишневыми. Сделав непривычный макияж, Веля встала перед большим зеркалом и, внимательно рассмотрев свое отражение, констатировала:

— Я стала похожа на проститутку...

— Ты стала похожа на человека, — не согласилась с ней одна из коллег. — Тебе очень идет. Посмотри, когда акцент на глазах и губах, незаметно, что у тебя длинный нос!

— Только с грудью надо что-то сделать, — подала голос другая. — Корсет предназначен для того, чтобы утягивать талию и поднимать грудь. С талией у тебя все в порядке, а вот поднимать нечего...

— И что же делать? На пластическую операцию нет ни денег, ни времени...

— Ничего... Мы тебя сейчас за две минуты прооперируем. И совсем бесплатно. — Она отстегнула от своей кофточки плечики, сунула их в вырез Велиного платья со словами: — Поролон — это силикон для бедных! Рекомендую...

Веля хотела вытряхнуть из выреза этот «силикон», а лицо умыть, но тут в подсобку заглянула Маргарита Павловна и зычно крикнула:

— Девки, на выход! — Увидев, что Эвелина замешкалась, она рявкнула: — И быстро! Фотограф ждет!

Он и вправду ждал: стоял в зале с нацеленным фотоаппаратом. Аппарат был отличным («Никон» с большим объективом), а фотограф плохеньким: щуплым, маленьким, с куцым хвостиком на затылке, желтоватой щетиной, бледным ртом, близорукими глазами и противной волосатой родинкой на щеке... И одет был как-то бедно: в джинсики потертые, кеды стоптанные, рубашонку фланелевую и куртку из кождама. Даже не верилось, что он профессио-

нальный фотограф экстра-класса (именно так отрекомендовала его Маргарита Павловна).

— Ну-ка, девицы, улыбнитесь! — вскричал он, увидев девушек сквозь призму фотоаппарата. — Дядя вас щелкнет!

«Девицы» послушно растянули рты. И только Эвелина сомкнула губы и отвернулась — она не любила фотографироваться. Но она все же попала в кадр! И в тот миг, когда изображение неумело накрашенной продавщицы перенеслось на пленку, колесо Фортуны со скрипом повернулось в Велину сторону. Судьба ее была предрешена. Теперь ей оставалось подождать два дня, чтобы узнать об этом...

* * *

Когда Эвелина пришла на работу после выходных, ее сразу позвала к себе в кабинет Маргарита Павловна.

— Ну, девонька, поздравляю, — сказала она, как только Веля появилась на пороге. — Тобой заинтересовался фотограф... — Маргарита Павловна кинула через стол глянцевый снимок. На нем была изображена сурово нахмуренная Эвелина. — Сказал, что у тебя необычное лицо. Просил тебя приехать к нему в студию. — Она перевернула фотографию, на обратной стороне которой обнаружилась записка, и ткнула в нее пальцем: — Вот адрес. Поезжай прямо сейчас. Я тебя отпускаю.

— Но это какая-то ошибка...

— Я тоже так думаю. Но съездить ты должна. Я этому заморышу с «Никоном» обещала... Так что дуй давай! — Она махнула рукой. — Но завтра чтоб была на работе!

И Веля дунула.

Студия располагалась на станции метро «Первомайская». В грязно-желтом девятиэтажном доме, что стоял в двух шагах от подземки.

Веля зашла в первый подъезд, поднялась на последний